

УДК 93/94
ББК 63.3(2)53

БАЛАШОВСКИЙ ТЮРЕМНЫЙ ЗАМОК В 1830-х ГОДАХ

Ерёменко Илья Павлович

Старший инженер группы инженерно-технического обеспечения, связи и вооружения отдела охраны, капитан внутренней службы.
ФКУ ИК-10 УФСИН России по Саратовской области [г. Саратов].

E-mail: erembel@rambler.ru

Eremenko I.P.

Senior engineer of the engineering, communications and weapons group of the security department, internal service captain.

FGI CF-10 Department of the Federal penitentiary service in the Saratov region [Saratov].

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы общего состояния и арестантского быта в 1830-х годах на примере Балашовского тюремного замка Саратовской губернии. Изучение опыта уездных властей связанного с деятельностью направленной на исправление неудовлетворительного положения тюремных учреждений.

Ключевые слова: тюремный замок, арестантский быт, преступление, наказание.

BALASHOVSKY PRISON CASTLE IN THE 1830s

Abstract: The article examines the general condition and prison life in the 1830s on the example of the Balashov prison castle in the Saratov province. Studying the experience of the county authorities related to the activities aimed at correcting the unsatisfactory situation in prisons.

Key words: prison castle, prison life, crime, punishment.

Несомненный интерес для исследователей истории представляет вопрос о состоянии мест лишения свободы в наиболее отдаленных от столицы городах Российской Империи в начале XIX в. Об этом вопросе написано, в частности, в многотомном исследовании Гернета М.Н «История царской тюрьмы».

Однако недавние исследования архивных дел, в частности фондов Государственного архива Саратовской области, привлекают к себе внимание исследователей новыми яркими источниками, которые раскрывают до сих пор неизвестные страницы по истории уездных тюрем Саратовской губернии. В частности, одного из старейших пенитенциарных учреждений - Балашовской тюрьмы.

О состоянии мест лишения свободы в 30-х годах XIX в. можно составить довольно полное представление. С начала указанного времени центральная власть Российской Империи начала активно знакомиться с состоянием общеуголовных тюрем. До того времени это ознакомление

носило совершенно случайный характер или, правильнее сказать, совсем не имело места. Образование попечительного о тюрьмах общества оказало своё влияние на такое ознакомление, но лишь преимущественно в столицах и более крупных городах. В 30-е же годы XIX в. правительство ввело ревизию мест лишения свободы в систему управления ими [1, с. 503].

Как пишет сам Гернет М.Н., за вышеуказанные годы, им в архиве Министерства внутренних дел и III отделения, были изучены одиннадцать дел с докладами об осмотре ревизорами мест лишения свободы в очень значительном количестве губерний и городов в различных частях России. [1, с. 503]. Чаще всего обязанности ревизоров возлагались на специально для этого командированных флигель-адъютантов. Реже доклады о состоянии мест лишения свободы составлялись в результате осмотра их губернскими и другими чиновниками. Но, как правило, доклады эти были кратки и составлены не по одной и той же форме [2, с. 347].

В 40-е годы XIX в. ревизии тюрем стали производиться значительно реже [2, с. 503]. Между тем сведения о самом тяжёлом положении тюрем продолжали поступать из очень многих местностей. Обширнейшее донесение об этом командира отдельного корпуса внутренней стражи охватило почти всю Россию [1, с. 503].

Доклады же уездных чинов отличаются от донесений иных ревизоров своей прямоотой и вниманием даже к самым небольшим деталям. Так, на основании свидетельств городничего Антановского, можно узнать о состоянии Балашовского тюремного замка Саратовской губернии в конце 30-х годов XIX в. Подобного рода сведения представляют особый интерес не только по тому, что они принадлежат к такому раннему периоду, о котором опубликовано достаточно мало материалов, но и потому, что они относятся к уездным городам.

15 февраля 1837 г. Антановский составил рапорт Его Превосходительству господину Саратовскому гражданскому губернатору и кавалеру «О исправлении в Балашовском тюремном замке неустройств» за № 53. Из рапорта видно, что при вступлении в должность Балашовского городничего и обозревая местный тюремный замок, он нашёл его «в весьма дурном состоянии: по тесноте содержащихся арестантов и тяжёлому воздуху» [3, с. 17]. От чего большое число арестантов было подвержено болезням, и не помещались в отдельной для этого комнате, называемой больницей, которая представляла тот же «жалкий отпечаток тюрьмы». Больные находились в собственном одеянии, всё бельё и одеяла на кроватях были ветхие, запачканные и замшелые [3, с. 17].

В комнате царила чрезмерная теснота, кровать с кроватью стояли «в смежности» [3, с. 17]. Воздух был спёршийся и нестерпимо удушливый, который, как полагает сам городничий, ещё более усугублял болезнь страждущих, а по этому больница, учреждённая при остроге, совсем не соответствовала своему назначению [3, с. 17]. И как в ней, так и в казармах арестантов не имелось в окнах форточек, вследствие чего в зимнее время в данных помещениях невозможно было освежить воздух. Арестанты никогда не мылись в бане, так как печь в ней была прохудившаяся, топить которую было опасно, а переложить по тогдашним холодам - неудобно [3, с. 17].

Кроме того, из рапорта становится известно о распоряжении бывшего городничего Лебецкого, по которому, в связи с большим числом, находившихся в содержании арестантов и абсолютным недостатком для них помещения в остроге, женщины вместо него находились при полиции. Причём часть из них, были осуждены по серьёзным преступлениям [3, с. 17].

Далее Антановский справедливо указывает на то, что кроме опасности побега таких лиц из неприспособленных помещений полицейской части, возникает ещё одно «неблаговидное» обстоятельство для полиции: вместе с арестованными за нарушение благочиния (пьянство, драка, разврат и тому подобные поступки), за неимением для этих людей помещения, их приходилось содержать с женщинами-арестантами, переведёнными из Балашовского острога, но уже даже без различия по полу, что являлось явным нарушением предписываемого порядка. Помимо прочего, полиция, лишённая исправительных средств, из-за чего находившаяся в невыгодном положении, была «невинным образом вовлечена в неприятное мнение, заключения уездных жителей и терпит даже от них по сему нарекания» [3, с. 18].

В заключительной части рапорта Антановский пишет: «Входя в подробность сего и желая исправить все сии недостатки и должен по чему представить о сем Вашему превосходительству и покорнейше просить не угодно ли Вам будет принять во уважение следующие предложения мои: 1-ое, как в Балашовском тюремном замке в казармах нары отнесены от стен и устроены на середине комнат, от чего весьма уменьшилось пространство нар, а комнаты совсем стеснились и остались в оных одни только проходы кругом нар так, что двум только можно разойтись, то нужно непременно нары опять сделать к стенам и тогда несколько сажений в каждой казарме прибавиться нар, и самые комнаты примут настоящий свой вид и помещение арестантам распространиться значительно; в окнах же сделать форточки и тогда во всякое время можно будет в комнатах освежить воздух. 2-ое, есть арестанты, кои находятся в заключении по таким делам, которые по неважным преступлениям своим не могут подвергаться ни ссылке, ни отдаче в военную службу, при том имеют постоянное место жительства и оседлость, таких можно, да и следовало бы, отдать на поруки, чем уменьшиться число содержащихся, и так распространив содержащихся можно будет учредить в Балашовском остроге желаемый порядок, чистоту и опрятность. Что же касается до улучшения больницы тюремного замка, я надеюсь найти средство всё сие исправить и восстановить оную в должном виде» [3, с. 18].

Начиная с 1832 г. делами о постройке и эксплуатации публичных зданий (казённых помещений, в которых находились государственные учреждения, казармы, тюрьмы и т.д.) были переданы из хозяйственного департамента Министерства внутренних дел в Главное управление путей сообщения. Новое ведомство получило наименование Главного управления путей сообщения и публичных зданий. В 1833 г. были учреждены губернские строительные комиссии для руководства строительством и ремонтом казённых и частных зданий и благоустройством городов в губернии. Они находились в ведении Главного управления и подчинялись непосредственно губернатору. Непременными членами комиссии были: офицер корпуса инженеров путей

сообщения, губернский инженер и губернский архитектор.

Как следствие, данные о Балашовском тюремном замке присутствуют в материалах Саратовской губернской строительной комиссии, в журнале которой за подписями асессора, секретаря и канцеляриста имеются несколько важных записей. Из записи от 15 июня 1837 г. известно, что вышепредставленный рапорт Балашовского городничего от 15 февраля 1837 г. № 53 на имя бывшего Саратовского гражданского губернатора, последним был получен и далее передан в вышеупомянутую комиссию. А так как всеми неисправностями тюремных замков Саратовской губернии ведал губернский архитектор, то решением этой же комиссии ему был передан рапорт и поручено сделать соответствующие соображение и составить сметы на исправление Балашовского тюремного замка [3, с. 7].

Вместе с тем, в журнале имеется запись об ещё одном рапорте Антановского от 30 апреля № 185, которым он доносит о неисправностях тамошнего тюремного замка, при котором тот представил свидетельство повествующее о том, что пятнадцать рам в окнах, как летние так и зимние, сгнили до такой степени, что из некоторых начинают вываливаются стёкла. Ветхи три голландские, в арестантских комнатах, печи. В кладовой и одной из казарм ветхи полы. Ни у одной из печей нет на полу железных листов, от чего угли, выпадая из печи, иногда во время топки с огнём портят полы и представляют опасность произвести пожар [3, с. 14]. А у печи в кухне нет заслонки, которой можно было бы затворить печь. На котле же крыша до того перегорела, что в непродолжительном времени для закрывания котла будет мала. В кухне нары гнилы, в трёх казармах ветхи двери, ветхи четыре фонаря, в которых для освещения комнат горит ночник. При входе внутрь ограды ворота от стен несколько отклонились внутрь и для этого необходимо прикрепить их железными полосами. Также ветха лестница, которая ведёт на чердак. В завершении записано, что и этот рапорт вместе со свидетельством были переданы губернскому архитектору 13 июля 1836 г. [3, с. 15].

Ещё более полное и подробное представление о том, как выглядел и в каком состоянии находился в первой половине XIX в. Балашовский тюремный замок даёт опись, учинённая тем же Антановским исправлявшим должность уездного стряпчего и начальника инвалидной команды о том, какие в нём находятся неисправности, по состоянию на 30 августа 1837 г. В ней он предлагает на рассмотрение Саратовской губернской строительной комиссии проделать следующие мероприятия:

1) Со входу в тюремный замок в арке, находящиеся там глухие ворота перенести к наружному отверстию арки, а на их место сделать новые решетчатые с прикалиткою в одном полотне ворот, дабы через них всему караулу можно было видеть арестантов ходящих по двору и замечать движение их и не затруднять караульных при входе и выходе надзирателей тюремного замка и самих караульных тем, что беспрерывно эти ворота отпирать и запираť замком, но другие, то есть наружные ворота, должны быть всегда на замке;

2) В упомянутой арке сделать лестницу и ход на чердак, баню и кордегардию, что

необходимо для обозрения труб, чищения их и наблюдения за безопасностью от огня;

3) В кордегардии русскую печь следует, по ветхости её переложить, к ней нужны новые заслон и выюшка, которые не имеются.

4) Кордегардию и баню проконопатить, снаружи обшить тёсом, покрасить как баню, так и крышу. Без этого здание придёт прежде времени в ветхость;

5) Главный дом, где помещаются арестанты, тоже следует проконопатить снаружи, обшить тёсом, покрасить как обшивку, так и крышу. В окнах рамы как летние, так и зимние худые, их необходимо переделать и исправить прочным образом; ибо уже и сам переплёт окон пришёл в ветхость [3, с. 25];

6) На кухне переложить очаг и сделать его в другом месте совместно с русской печью. Главное, что очаг худой, дурно устроен из него дым идёт по всей кухне, а по сему, дверь в кухне во время топки отворяется, и тем наполняет коридор и почти сообщает оный и во все казармы, особенно в зимние время и во время выюг, когда двери коридора должны быть затворены;

7) В казарме арестантской, что под № 1-ым, печь худая, пол и дверь такие же и поэтому, печку нужно переложить, пол перебрать и под него сделать новые переводины, а дверь сбить и сверху и снизу сделать накладки, что будет прочнее и гораздо крепче, да и рассыхаться не могут;

8) В казарме под № 2-ым, те же самые поправки.

9) В казарме женской, сделанной из кладовой, вовсе нет печки. Таковую сделать. Наверху потолка пазы смазать и на него нанести земли для удержания в зимние время тепла. Ко всем вообще голландским печам необходим весь прибор, как то: к топкам и отдушникам чугунные двери, которые кроме того что прочные, но и неудобные для каких либо препятствий арестантских, железные скоро ломаются и арестанты употребляют некоторыми орудиями.

10) В больничной комнате нужно переделать пол и двери [3, с. 26];

11) У сениц, что перед входом в больницу нужно небольшое, для света, прорубить окошко, и отделать железной решёткой. Лестницу на чердак исправить, так как некоторые ступени худые. На чердаке переложить боровы, и во фронте в полукруглое окно сделать раму, которой вовсе нет и в зимнее время наносит снег. С другой же стороны для света и удобства при чищении труб, прорубить небольшое полуциркульное окно, и в нём сделать раму со стеклами, а прорубленные дыры для просветов заделать во всех, так как в них наносит на чердак зимой снег и летом набивает дождь.

Под описью свои подписи поставили: городничий Антановский за стряпчего, правящий должность секретаря понытчик Ефрем Кандаков и начальник команды подпоручик Гришенко [3, с. 27].

Данная опись с рапортом от 10 мая 1837 г. за № 131, была подана Антановским непосредственно на рассмотрение Саратовской губернской строительной комиссии, о чём в журнале данной комиссии 18 мая того же года сделана соответствующая запись. Далее видно, что так как обо всех неисправностях казённых зданий в уездных городах находящихся по поручению

данной комиссии сметы составляет губернский инспектор, то списав копию с представленной описи, рапорт был передан ему для соображения и составления сметы.

Сведений о дальнейшей судьбе рапортов и описей городничего Антановского нет, как и информации о том, были ли проделаны в ближайшие годы в Балашовском тюремном замке так необходимые ремонтные работы и исправления. И даже спустя 36 лет, в своём Всеподданнейшем отчёте за 1873 г., тогдашний начальник Саратовской губернии М.Н. Галкин-Враской писал: «из всех помещающихся в казённых зданиях тюремных замков по внешней обстановке представляется в особенно неудовлетворительном виде Балашовский, здание коего пришло почти в разрушение и на исправление онаго из кредита текущего года, по смете Министерства внутренних дел, назначено 4,939 р. 31 коп.» [4, с. 23]. Но через год в рапорте от 22 ноября 1874 г. на имя начальника Саратовской губернии, местный прокурор докладывал, что в Балашовском тюремном замке в течении лета были произведены работы по его капитальному исправлению и так как работы эти были полностью закончены, то арестанты содержащиеся в нём до ремонта и на время работ размещенные по тюремным замкам других городов и в специально приспособленном для этого помещении в самом Балашове, были переведены обратно описи, рапорт был передан ему для соображения и составления сметы [4, с. 59].

Стоит заметить, что впервые общий проект о плане устройства тюрем по всей Российской Империи был утверждён лишь 25 апреля 1821 г., когда Министерство внутренних дел представило императору Александру I соответствующую записку об устройстве уездных тюремных зданий. Согласно этому проекту, тюремные здания должно было строить каменные или деревянные каменном фундаменте, с железными крышами, «приспособленные к человеколюбивым правилам», с разделением арестантов по полу и преступлениям [2, с. 145]. По факту же, многие уездные тюрьмы вплоть до последней четверти XIX в., всё ещё представляли собой ряд отдельно стоящих деревянных изб обнесённых стеной из заострённых кверху брёвен и находились в настолько неблагоприятном состоянии, что лишение свободы оборачивалось для арестантов тяжелейшим испытанием.

Таким образом, можно говорить не только о крайне неудовлетворительном состоянии Балашовского тюремного замка в 1830-х годах XIX в., но и в нескольких последующих десятилетиях. При этом надо учитывать то, как часто благая инициатива со стороны уездных чинов сталкивалась с отказами и проволочками в выдаче денег на тюремные надобности под разными предлогами, которые носили систематический характер. Даже при желании что-то исправить и построить, без денег этого сделать было невозможно [1, с. 507].

ЛИТЕРАТУРА

1. Гернет, М.Н. История царской тюрьмы Т. т II/М.Н. Гернет; Т.А. Помыкаева. – 3-е изд., доп. – Москва: Госюриздат, 1961.
2. Гернет, М.Н. История царской тюрьмы Т. т I/М.Н. Гернет; Т.А. Помыкаева. – 3-е изд., доп. – Москва: Госюриздат, 1961.

3. ГАСО. – Ф. 17, - Оп. 1, - Д. 15.

4. ГАСО. – Ф. 1221, - Оп. 1, - Д. 42.